

A portrait of actor Alexey Polyanin, rendered in a blue monochrome style. The image is heavily stylized with a digital glitch or corruption effect, featuring numerous horizontal red lines that slice through the face and body. The background is a solid, vibrant red.

АЛЕКСЕЙ ПОЛЯРИНОВ

НОЧНАЯ СМЕНА

18+

опыты чтения Кафки, Сервантеса, Франзена, Маккарти и других

Алексей Валерьевич Поляринов

Ночная смена

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67299332

Ночная смена / Алексей Поляринов: Альпина нон-фикшн; Москва; 2022

ISBN 9785001396888

Аннотация

Сборник эссе прозаика, переводчика и критика Алексея Поляринова словно душевный разговор с хорошим другом о кино и литературе. Автор делится самым сокровенным – идеями ненаписанных книг: рассказывает о романе о приключениях матери Сервантеса, о фанфике по «Волшебнику страны Оз» и даже проводит воображаемую экскурсию по подмосковному моргу, попутно читая лекцию о мертвецах в русской литературе.

Во второй части книги читателей ждет история «заклятой дружбы» Джонатана Франзена и Дэвида Фостера Уоллеса, эссе об одном из самых страшных американских исторических романов – «Кровавом меридиане» Кормака Маккарти, размышления о появлении глобального романа и другие тексты о кино и литературе, написанные с невероятной любовью к предмету и отменным чувством юмора.

В форматах ePub и a4.pdf сохранены издательские макеты.

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	11
Бледный Сервантес:	11
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Поляринов

Ночная смена

Редактор *Татьяна Королёва*

Дизайн обложки *Лена Мельник*

Издатель *П. Подкосов*

Продюсер *Т. Соловьёва*

Руководитель проекта *М. Ведюшкина*

Арт-директор *Ю. Буга*

Корректоры *Е. Воеводина, Е. Рудницкая*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

© А. Поляринов, текст, 2022

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределённому кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от то-

го, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

АЛЕКСЕЙ ПОЛЯРИНОВ

НОЧНАЯ СМЕНА

Издательство
«Альпина нон-фикшн»

Москва, 2022

альпина
ПРОЗА

Предисловие

У каждого писателя в уме есть особое место, где он хранит идеи для романов. Среди них есть такие, о которых он точно знает только одно: он никогда их не напишет. И дело тут вовсе не в том, что роман требует времени, – хотя и в этом тоже. Страх испортить хорошую идею – самый сильный из всех писательских страхов. Знаете, так бывает, читаешь книгу и думаешь: «Такая идея, а дураку досталась». Особенно обидно, когда эта мысль возникает при чтении книги, на обложке которой *твое* имя.

В одном из интервью¹ Нил Гейман рассказал о возникновении замысла романа «История с кладбищем».

«Мне было 25, я работал журналистом. Мой сын, Майк, ему тогда было два года, любил свой трехколесный велосипед больше всего на свете; когда он катался по дому, я боялся, что он свалится с лестницы. У нас не было сада или двора, ничего такого, я водил его на кладбище, через дорогу; там, среди могильных плит, он крутил педали и выглядел таким счастливым. Я сидел на лавочке, читал книгу или просто наблюдал за ним – и однажды я подумал: “Смотри-ка, он такой радостный, он здесь как дома. А что, это неплохая идея:

---

¹ YouTube. Coraline, Sandman: Books and Imagination – A Conversation with Neil Gaiman. [Электронный ресурс.] – Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

маленький мальчик, выросший на кладбище и воспитанный мертвыми. Это будет что-то вроде “Книги джунглей”, только если Маугли возвращен животными и обучен всему, что знают животные, то мой герой будет возвращен мертвецами и обучен всему, что знают они”. И я тут же начал писать. Я написал первую страницу – ту, где мертвые собрались вокруг младенца и появился Сайлас [один из главных героев книги. – *Прим. авт.*]. Но мне не понравился результат. И я подумал: “Эта идея слишком хороша. Она требует большого мастерства, которого у меня пока нет”. И я решил отложить ее и взяться за другие романы – до тех пор, пока не почувствую, что стал достаточно силен для того, чтобы потянуть именно эту идею. Периодически я возвращался к книге, она томилась, созревала в моей голове около 23 лет. Я снова и снова пытался развить ее примерно каждые 2–3 года, я писал одну-две страницы, перечитывал и выбрасывал. И где-то году в 2002–2003-м я вдруг понял, что уже, пожалуй, достиг своего предела и вряд ли смогу писать лучше, – тогда-то я и решил: теперь самое время достать из рукава ту самую идею с кладбищем»².

Мне нравится эта история: она о писательской мудрости. Ведь это состояние – когда ты пишешь и тебя тошнит, ты физически ощущаешь, как каждым новым словом убиваешь блестящую идею, – знакомо каждому, кто хоть раз пытался изложить на бумаге даже самый простой сюжет. Любой ав-

---

² Здесь и далее, если не указано иное, перевод автора. – *Прим. ред.*

тор рано или поздно осознает, что оказался в ловушке, ведь а) чтобы прямо сейчас воплотить классную идею, нужно писать лучше, но б) чтобы писать лучше, нужно писать больше. Противоречие между а и б – самая неразрешимая из всех писательских дилемм. Точнее, разрешить ее возможно только одним способом: принять как должное тот факт, что писать означает убивать классные идеи и начинать сначала. Чем больше идей ты убиваешь, тем выше твое мастерство – грустно, но что поделать. У каждого автора есть свое личное кладбище идей, которые когда-то казались ему достойными романа, но так и не дожили до воплощения – по разным причинам.

Впрочем, всегда есть вариант обмануть систему, его еще Борхес придумал: если не можешь написать роман, напиши о нем эссе; напиши эссе о том, почему не можешь написать роман. В конце концов, должна же быть хоть какая-то польза от постмодернизма и его метаэквилибристики, правда?

Название книги – «Ночная смена» – тоже неслучайно, оно из личного опыта. Когда я переехал в Москву, я устроился на работу в аквариумную компанию. Чтобы оплачивать аренду, а затем и ипотеку, работать приходилось весь день, и времени для работы над текстами почти не оставалось. Я приезжал домой и валился с ног от усталости – какие уж там тексты. В итоге я придумал вот что: если в течение дня у меня появлялась стоящая идея для романа, я приезжал домой вечером после работы, часов в семь, заводил будильник и ло-

жился спать. Будильник срабатывал среди ночи, я вставал в два, заваривал кофе, садился за стол и на протяжении двух часов писал. Это и были мои «ночные смены» – своего рода писательские марафоны, во время которых я пытался формулировать и записывать идеи для романов. Ни одна из этих идей так и не выросла в книгу. Но все они до сих пор важны для меня, поэтому я и подумал, что если не могу превратить их в романы, то я как минимум обязан отдать им дань уважения. Именно так стоит относиться к первым пяти текстам этого сборника: эссе «Бледный Сервантес», «История осады страны OZ», «Ночная смена», «Пейзаж с падением Грегора Замзы», «Текст и образ» – это памятники моим ненаписанным книгам. Все остальные эссе тоже связаны с ними, и не только тем, что придуманы ночью, с двух до четырех, но и подходом: о чем бы я ни писал, на выходе всегда получаются размышления о борьбе автора с замыслом и о том, что между идеей романа и ее воплощением разница такая же, как между созвездием Пса и живой собакой о четырех лапах. Собака тоже классная, проблема в том, что она не созвездие.

Часть первая

Предпроза

Бледный Сервантес: Как я мечтал написать роман о Сервантесе и что из этого вышло

I

Среди романов, которые я никогда не напишу, один стоит особняком – это роман о Мигеле де Сервантесе. А именно о его пяти годах в алжирском плену. Поразительно, что никто из больших писателей за четыреста лет так и не взялся перепахать эту тему (а может, взялся, просто я не знаю).

В моем романе были бы две параллельные сюжетные линии: первая – собственно описание алжирского плена и отношений Сервантеса с антагонистом Хасаном-пашой; вторая – история о том, как мать Сервантеса путешествует по Испании и пытается собрать денег на выкуп.

Но я забегаю вперед. Начнем сначала.

II. Curriculum vitae

Сервантес родился в 1547 году в семье обедневших дворян, идадьго. О детстве его известно очень мало, ясно только, что он получил хорошее образование, учился в церковной иезуитской школе, отличался живым умом и даже выиграл конкурс поэзии.

В 1570 году, в двадцать три, он завербовался в армию. Конкретно – в морскую пехоту, во флот. И через год, в 1571 году, в составе армии Священной лиги отправился на войну с турками, с Османской империей. Там произошло одно из самых известных морских сражений тех лет – битва при Лепанто (Лепанто – это город на северном берегу Коринфского залива, в Греции), в которой Сервантес показал себя бесстрашным воином. И я не просто так это упоминаю: его отвага и участие в битве потом еще аукнутся ему в жизни. В сражении он получил сразу три ранения, в него попали из аркебузы³. Две пули в грудь, одна в руку. По злой иронии, самым неприятным и опасным оказалось именно ранение в руку: ему перебило сухожилия, и с тех пор левая рука у него не двигалась, и на дальнейшей карьере в армии пришлось поставить крест. Ну, то есть он продолжал служить, но занимал должность интенданта, был ответственен за хозчасть, и

---

³ Фитильное дульнозарядное ружье. – *Прим. ред.*

ни о каких боях, ни о каких повышениях речи уже не шло – инвалидов не повышают в звании⁴.

Затем он скопил немного денег и предположительно в 1575 году, в возрасте 28 лет, решил вернуться домой, в Испанию. Вице-король дал Мигелю рекомендательные письма (утерянные им при пленении) для короля и министров, в которых просил оказать всяческое содействие в трудоустройстве храброго солдата.

В сентябре 1575 года Сервантес со своим братом Родриго возвращался из Неаполя в Барселону на борту галеры «Солнце». На подходе к каталонскому берегу на корабль напали пираты, и Сервантес вместе с братом угодили в плен.

Именно с этой сцены я, наверно, и начал бы свой роман – со сцены пленения. Первая глава – доставка пленников в Алжир, среди них – молодой Сервантес. Один из пиратов видит, что у пленника проблемы с рукой, и собирается убить его. Потому что однорукий раб бесполезен, нормально работать он не сможет, таких пираты казнят на месте. Но при обыске у пленника находят рекомендательное письмо королю и понимают, что перед ними кто-то очень важный. Его решают не убивать и везут к главному. О жизни в плену никто лучше Сервантеса все равно не скажет, поэтому я просто процитирую фрагмент из первой части «Дон Кихота», в котором бывший пленник рассказывает свою историю и упоминает самого Сервантеса:

---

⁴ Красноглазов А. Сервантес. – М.: Молодая гвардия, 2018.

«Я тоже оказался в числе выкупных, ибо когда стало известно, что я капитан, то, сколько я ни уверял, что средства мои весьма скромны и что имущества у меня никакого нет, все же я был отнесен к разряду дворян и выкупных пленников. Меня заковали в цепи – не столько для того, чтобы легче было меня сторожить, сколько в знак того, что я выкупной, и так я жил в этом банья вместе с многими другими дворянами и знатными людьми, которые значились как выкупные и в качестве таковых здесь содержались. И хотя порою, а вернее, почти все время, нас мучили голод и холод, но еще больше нас мучило то, что мы на каждом шагу видели и слышали, как хозяин мой совершает по отношению к христианам невиданные и неслыханные жестокости. Каждый день он кого-нибудь вешал, другого сажал на кол, третьему отрезал уши, – и все по самому ничтожному поводу, а то и вовсе без всякого повода, так что сами турки понимали, что это жестокость ради жестокости и что он человеконенавистник по своей природе. Единственно, с кем он хорошо обходился, это с одним испанским солдатом, неким Сааведра, – тот проделывал такие вещи, что турки долго его не забудут, и все для того, чтобы вырваться на свободу, однако ж хозяин мой ни разу сам его не ударил, не приказал избить его и не сказал ему худого слова, а между тем мы боялись, что нашего товарища за самую невинную из его проделок посадят на кол, да он и сам не раз этого опасался. И если б мне позволило время, я бы вам кое-что рассказал о подвигах этого сол-

дата, и рассказ о них показался бы вам гораздо более занимательным и удивления достойным, нежели моя история»⁵.

Семья Сервантеса тем временем, узнав о случившемся, пытается наскрести денег на выкуп. Мать распродает имущество и собирает рекомендации, подтверждающие, что Мигель де Сервантес – герой битвы при Лепанто, заслуженный ветеран, но бесполезно. Тогда она идет на подлог, на жульничество: подделывает документы, выдает себя за вдову военнослужащего, но и это не помогает собрать достаточное количество денег. В итоге с миру по нитке наскребли 300 эскудо. Их хватило только на то, чтобы выкупить младшего брата. Потому что Хасан-паша уверен, что этот пленник стоит дороже трехсот. Ведь у него, на секундочку, были при себе рекомендации от вице-короля – королю Испании, этот парень дорого стоит.

Вообще, вопрос о том, каким образом Сервантесу удалось на протяжении пяти лет выживать в плену, – одна из главных загадок сервантесоведения.

Андрей Красноглазов считает, что Сервантес принадлежал к ордену иезуитов, представители которого были и среди жителей алжирской резервации и оказывали будущему писателю свое покровительство.

Дэниэл Айзенберг, американский сервантист, считает иначе: он полагает, что Хасан-паша, назначенный правитель Алжира и главный по рабам на этой территории, был очень

---

⁵ Здесь и далее перевод Н. Любимова. – *Прим. ред.*

высокого мнения о Сервантесе, и не только из-за рекомендательных писем на имя короля, но и вообще, судя по всему, восхищался храбростью и умом солдата. Вполне возможно, он пытался его завербовать, сделать ренегатом. Многие пленники становились ренегатами, для этого нужно было отречься от Христа и принять ислам. Но Сервантес был убежденным католиком и не поддавался на уговоры.

В итоге, как гласит одна из версий, – а их, как вы понимаете, много – Сервантеса выкупили только спустя пять лет и четыре попытки побега. Его сестры отказались от приданого, семья еще сильнее влезла в долги, и все равно денег не хватало, и тогда вмешались монахи из ордена тринитариев – это такой монашеский орден, который занимался выкупом христиан из мусульманского плена. Тут очень важно, что тринитариев называли «ослиным братством», потому что его членам было запрещено ездить на лошадях. Есть версия, что Санчо Панса верхом на осле – это такая дань уважения монашескому ордену, который спас Сервантесу жизнь.

После освобождения Сервантес возвращается в Мадрид. И вот тут, казалось бы, должна начаться какая-то уже нормальная жизнь, и вроде бы даже она начинается. Он женится на, как говорят, ослепительно красивой восемнадцатилетней девушке Каталине де Саласар. Он пытается стать профессиональным писателем: пишет много стихов, издает свой первый роман «Галатея», но это не приносит почти никаких денег.

Мануэль Дюран называет Сервантеса одним из первых профессиональных писателей в истории. До него написанием книг занимались в основном аристократы и служители церкви. Потому что у них была такая роскошь – много свободного времени. Для них написание книг было способом как-то занять свой ум. Сервантес же не был ни аристократом, ни служителем церкви, он всю жизнь вынужден был работать.

Опять же, как пишет Дюран, «для испанского общества, истеблишмента Сервантес одновременно был и своим, и изгоем. С одной стороны, он участвовал в битве при Лепанто и написал как минимум две успешные книги: “Дон Кихота” и “Назидательные новеллы”. И вроде этого вполне достаточно, чтобы стать своим, сделать себе имя. Но при этом он всегда был беден, на грани нищеты, а иногда и вовсе попадал в тюрьму, из которой его выкупали его друзья и мать. У него никогда не было влиятельных друзей, и он никогда не вращался в высших слоях общества. Современные ему писатели и критики не признавали его и считали, что он пишет ерунду, бульварное чтиво»⁶.

И вот, казалось бы, что еще может случиться? Сколько неудач может свалиться на одного человека? Есть же какой-то предел, правда?

Но и с семейной жизнью у него не складывается. Мы не

---

⁶ Цит. по: YouTube. Don Quixote, Part I: Front Matter and Chapters I–X. [Электронный ресурс.]

знаем почему. Сохранился нотариальный документ, где Сервантес освобождает свою жену от обязанностей. После развода он поступает на государственную службу сборщиком налогов и, как опять же гласит легенда, садится на мула и отправляется в путешествие по Испании.

А дальше новый виток неудач – он доверил деньги не тому банкиру. Банкир на его пути оказался неслучайно: Сервантес передавал через него испанской короне собранные налоги. Но в результате одной из, скажем так, транзакций банк обанкротился. Вместе с банкиром Сервантеса посадили в тюрьму – опять. Таким образом, в тюрьму он попадал трижды. И, как гласит легенда, именно в 1602 году в севильской тюрьме он начал писать роман о Дон Кихоте.

То есть понимаете, да? «Дон Кихот» – это роман, написанный уже постаревшим человеком, пережившим то, что мало кому доводилось пережить, испытавшим огромное количество разочарований. Хорошая, большая литература, к сожалению, рождается из разочарований.

И вот этот измученный жизнью бывший солдат с несложившейся военной карьерой, лишившийся руки, отсидевший за долги, пять лет проведенный в алжирском плену, проваливший четыре попытки побега, после каждой из которых его могли убить, но почему-то не убили, – этот солдат в 58 лет берет и пишет роман «Дон Кихот».

III. О чем книга?

«Дон Кихот» – самый писательский роман в истории, текст, построенный на рефлексии о том, что значит быть писателем, роман о размытой границе между правдой и вымыслом.

Сервантес начинает с предисловия, из которого сразу становится ясно, что автор очень иронично относится к тому, что написал, что для того времени было совершенно нехарактерно. Он использует прием, который сегодня мы назвали бы постмодернистским. В своем предисловии он жалуется читателю, что не может написать нормальное предисловие. Традиционно – и это важное слово, на протяжении всего романа Сервантес будет ополчаться на традиции и опрокидывать традиционные для своего времени представления о литературе, – так вот, традиционно, как, ерничая, пишет Сервантес, авторы в предисловиях выдают список использованной литературы, в котором обязательно есть греческие философы, схоласты, Платон, Аристотель, Ксенофонт, в то время как сам Сервантес в «Дон Кихоте» упоминает только рыцарские романы, ссылаясь на которые в предисловии ему довольно стыдно. Ну, потому что несолидно.

Уже там, в предисловии, появляется первый персонаж – безымянный и несуществующий друг автора, его альтер эго. И Сервантес жалуется ему: мол, я так долго писал эту кни-

гу, а сказать о ней нечего, потому что я «выношу на суд сочинение сухое, как жердь, не блещущее выдумкой, не отличающееся ни красотами слога, ни игрой ума, не содержащее в себе никаких научных сведений и ничего назидательного, без выносок на полях и примечаний в конце». Вот другие авторы, жалуется он своему другу, вот у них предисловия так предисловия, а мне и похвастаться нечем.

И вторая проблема – в том, что каждую книгу в те времена предваряли маленькие рецензии от каких-то благородных господ. Знаете, вот как сейчас на обложках книг печатают отзывы известных писателей, считается, что это повышает продажи, – на задней крышке книги, которую вы прямо сейчас читаете, скорее всего, тоже есть такой отзыв.

Ну так вот, во времена Сервантеса было нечто подобное. Только отзывы писали в стихах и принадлежали они не писателям, потому что профессия писателя в те времена только зарождалась. Отзывы писали разного рода уважаемые чиновники – маркизы, графы, епископы, герцоги. И эти отзывы обычно предваряли книгу.

И значит, Сервантес в своем предисловии жалуется воображаемому другу, что вот, мол, смотри, какая катастрофа – ни один уважаемый человек не захочет писать сонеты для моей книги, ведь эта книга о дурацком сумасшедшем рыцаре. На что его друг отвечает что-то в таком стиле: слушай, братан, я был о тебе гораздо более высокого мнения, думал, ты сам догадаешься, что необязательно просить живых лю-

дей писать все эти сонеты-отзывы, ты можешь их просто выдумать, как это делают очень многие авторы. Далее друг продолжает давать ему плутовские советы. Например, говорит, что для того, чтобы сослаться на Библию, ее вовсе не обязательно читать. Ты просто повыдергивай оттуда каких-нибудь звучных цитат про свободу, рабство, жизнь, смерть и поминай их к месту и не к месту – сразу прокатишь за умного. Главное – побольше латинских слов, чтоб вообще ниче не было понятно.

За предисловием следуют сонеты, песни и стихи, которые героям книги «Дон Кихот» посвятили герои других книг. То есть мы видим, что Сервантес внял совету друга и сочинил сонеты от лица героев рыцарских романов, среди них Амадис Гальский, Неистовый Роланд и другие.

Сам роман начинается с рассказа о том, как идадьго Алонсо Кехана, начитавшись книг, чуть-чуть поехал головой и решил стать странствующим рыцарем. Он берет себе новое имя, Дон Кихот, и от слов переходит к делу – отправляется в путешествие. И, едва выехав на дорогу, первое, что он делает, – начинает воображать, как его странствия описал бы автор рыцарских романов.

Первые шесть глав – это уже законченная повесть. Алонсо Кехана начитался книжек, сошел с ума, отправился странствовать, напортачил, получил по башке, его вернули обратно. Священник, цирюльник и племянница поняли, что источник его безумия – рыцарские романы, и сожгли их, а вход

в его библиотеку заложили кирпичами. Конец. Это уже выглядит как законченная история.

Причем обратите внимание: когда священник и племянница перебирают книги в библиотеке Дон Кихота, среди них они находят книгу Сервантеса.

Дон Кихот сталкивается не с драконами, не с великанами, не с богами. Он сталкивается с обыденностью, которую не может принять. «Дон Кихот» – это история о мире, покинутом богами, о мире максимально приземленном, о мире, из которого ушли чудеса. Что тоже, с одной стороны, совершенно революционная по тем временам мысль, и с другой – она работает как отличная метафора мира, в котором жил тогда Сервантес.

Именно эта мысль, мне кажется, и лежит в основе романа, это и есть его главная тема.

В сорок девятой главе, когда священник и цирюльник связывают Дон Кихота и в клетке везут домой, на пути им встречается каноник. Он поражен тем, что человека везут в клетке, еще и связанного, он думает, что это опаснейший преступник, и, когда ему объясняют, в чем проблема, он толкает речь, которая опять же отзеркаливает и по-новому раскрывает главную тему книги. И эту речь я, наверно, целиком приведу, потому что она выглядит как хорошее наставление вообще любому молодому писателю. В ней каноник размышляет об отношениях между вымыслом и правдой, о том, что вымысел тем ценнее, чем он ближе к правде.

Я приведу пару цитат, они довольно большие, но, мне кажется, важно все это проговорить вслух:

«Какая же может быть красота и соответствие частей с целым и целого с частями в романе или повести, где великана ростом с башню шестнадцатилетний юнец разрезает мечом надвое, точно он из пряничного теста, и где сам автор, описывая битву, сообщает, что силы неприятеля исчислялись в миллион воинов, но коль скоро против них выступил главный герой, то мы, хотим или не хотим, волей-неволей должны верить, что рыцарь этот достигнул победы одною лишь доблестью могучей своей длани? Мне могут возразить, что сочинители рыцарских романов так и пишут их, как вещи вымышленные, а потому они, мол, не обязаны соблюдать все тонкости и гнаться за правдоподобием, — я же на это скажу, что вымысел тем лучше, чем он правдоподобнее, и тем отраднее, чем больше в нем возможного и вероятного. Произведения, основанные на вымысле, должны быть доступны пониманию читателей, их надлежит писать так, чтобы, упрощая невероятности, сглаживая преувеличения и приковывая внимание, они изумляли, захватывали, восхищали и развлекали таким образом, чтобы изумление и восторг шли рука об руку. Но всего этого не может достигнуть тот, кто избегает правдоподобия и подражания природе, а в них-то и заключается совершенство произведения. Я не знаю ни одного рыцарского романа, где бы все члены повествования составляли единое тело, так что середина соответствовала бы

началу, а конец — началу и середине, — все они состоят из стольких членов, что кажется, будто сочинитель вместо хорошо сложенной фигуры задумал создать какое-то чудище или же урода. Кроме того, слог в этих романах груб, подвиги неправдоподобны, любовь похотлива, вежливость неуклюжа, битвы утомительны, рассуждения глупы, путешествия нелепы — словом, с искусством разумным они ничего общего не имеют и по этой причине подлежат изгнанию из христианского государства наравне с людьми бесполезными».

Вот тут уже в нем проснулся католик, и дальше он обращается к Дон Кихоту и продолжает свои размышления о том, какой должна быть художественная проза:

«Неужели, сеньор идадьго, чтение тошнотворных и пустопорожних рыцарских романов так на вас подействовало, что вы повредились в уме и вообразили, будто кто-то вас заколдовал и прочее тому подобное, столь же далекое от истинного устройства вещей, сколь ложь далека от истины? И как мог человеческий разум допустить, что была когда-то целая прорва всяких Амадисов, этих пресловутых рыцарей, что были все эти императоры, иноходцы, странствующие девицы, змеи, андриаки, великаны, неслыханные приключения, всевозможные чародейства, сражения, жаркие схватки, причудливые наряды, влюбленные принцессы, оруженосцы-графы, забавные карлики, нежные послания, объяснения в любви, смелые женщины — словом, всякий вздор, коим набиты рыцарские романы? О себе могу сказать, что, пока я их читаю,

не думая о том, что все это враки, что все это пустое, я еще получаю некоторое удовольствие, но как скоро я себе представлю, что это такое, то мне тогда ничего не стоит хватить лучший из них об стену, а если б у меня в эту минуту горел огонь, я бы и в огонь их пошвырял, и они в самом деле заслуживают подобной казни, ибо все это выдумки и небылицы, и поведение их героев не соответствует природе вещей; ибо они создают новые секты и новые правила жизни; ибо невежественная чернь верит всей этой ерунде и принимает ее за истину. И сочинители этих романов еще имеют наглость смущать умы здравомыслящих и благородных идадьго, как это мы видим на примере вашей милости, ибо они довели вас до такой крайности, что пришлось засадить вас в клетку и везти на волах, подобно как возят с места на место тигров и львов и показывают их за деньги. Полно же, сеньор Дон Кихот, пожалейте себя, возвратитесь в лоно разума, обратите ко благу тот светлый ум, коим небо вас наделило, и употребите счастливейшие способности ваши на иного рода чтение, которое послужит вам к чести и на пользу вашей душе. Если же, несмотря ни на что, вследствие природной склонности, вас потянет к книгам о подвигах и о рыцарских поступках, то откройте Священное Писание и прочтите Книгу Судей: здесь вы найдете великие и подлинные события и деяния столь же истинные, сколь и отважные».

И вот это просто прекрасно! Я специально взял цитату целиком, потому что, мне кажется, именно здесь особенно яр-

ко проявляется ироничная природа романа. Каноник разносит рыцарские романы и говорит, что они набиты враками, в которые верят только неучи, и тут же советует Дон Кихоту почитать Священное Писание и Книгу Судей, и любой современный читатель, конечно же, сразу оценит скрытую иронию. При этом мы знаем, что Сервантес был человеком верующим, он, как считается, принадлежал к ордену иезуитов и, как многие испанцы тех времен, был католиком. Но при этом в «Дон Кихоте» он не щадит священные тексты и даже Священное Писание у него становится инструментом размышления о языке и о достоверности.

Очень важно, открывая «Дон Кихота», помнить, что это еще и роман о чтении, о том, как странно текст преломляется в голове у каждого читателя. Это один из первых романов о перспективе и субъективности. В этой книге нет носителя абсолютной истины, даже каноник в конце компрометирует собственную речь, создавая новый слой иронии. Все события, описанные в книге, всегда даются с точки зрения определенного персонажа, и убеждения, оптика этого персонажа очень влияют на то, что мы, читатели, в итоге получаем. И плюс каждый персонаж романа оценивается по тому, какие он или она читает книги; это главный критерий.

В этом смысле «Дон Кихот» – это еще и роман о конфликте между миром и нашими представлениями о нем. О конфликте идеального и материального. Ну то есть, например, каждый из нас был влюблен, и, когда мы влюблены, мы на-

деляем партнера или партнершу свойствами, которые, вообще-то, им не присущи, мы считаем их умнее, ярче и красивее, чем они есть в реальности, — мы их идеализируем. И это тоже, как видите, сквозная тема «Дон Кихота», потому что главный герой ко всему на свете относится именно так — он все идеализирует. И получает за это по башке, естественно.

«Дон Кихот» — это книга о способности или, точнее, о неспособности текста транслировать истину, о том, что любой текст в том или ином виде искажает мысль. И далее — о том, что книги могут быть опасны для тех, кто относится к ним без разумных сомнений. Дон Кихот принимал все, написанное в рыцарских романах, за истину и в итоге натворил много бед, которые свалились в том числе и на него. Мы в этой связи также можем вспомнить рыцарей-крестоносцев, прочих фанатиков, которые проливали кровь, потому что отринули сомнения и восприняли все, что написано в Библии, за истину. И получается, что «Дон Кихот» — это еще и книга о фанатизме и о том, насколько достоверным может быть написанное слово.

Потому что и тогда, за много лет до написания «Дон Кихота», философы, например, спорили насчет переводов священных текстов. То есть лингвистики, семиотики и прочих наук о смыслах и знаках еще не было, но философы уже спорили о том, можно ли считать священным перевод Библии. То есть является ли латинский перевод Библии аутентичным, потому что изначально она написана была не на ла-

тыни, как вы понимаете.

То есть даже там, даже в этом священном, сакральном тексте, тоже есть ошибки. Ведь ошибки и искажения есть в любом переводе. Переводы создают люди, а люди ошибаются. Любой, кто занимался переводами, легко расскажет вам историю о том, как неудачно выбранное слово может изменить смысл фразы – а может, и всего текста – на противоположный.

Тут в качестве иллюстрации лучше всего подойдет цитата из романа Джона Стейнбека «К востоку от Эдема». В нем есть великолепный пассаж о переводах Библии, о том, как перевод священного текста может предопределить культуру и жизнь людей, которые этим переводом руководствуются. Контекст такой: один из персонажей, китаец Ли, рассказывает, как решил прочесть Библию и запнулся на притче о Каине и Авеле.

«Почти десять лет назад, – сказал Ли. – Повесть эта врезалась мне в душу, и я стал вдумываться в нее, слово за словом. И чем больше вдумывался, тем глубже делался ее смысл. Тогда я сравнил разные переводы – они оказались довольно близки. Только на одном месте я споткнулся – там, где Иегова спрашивает Каина, почему тот огорчился. Согласно английской Библии, изданной при короле Иакове, Бог говорит: “Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты будешь господствовать над ним”. Меня остано-

вило “будешь господствовать”, ибо это – обещание Каину, что он победит грех.

Затем я раскрыл американскую Стандартную Библию, совсем недавно вышедшую, – продолжал Ли, отпив кофе из чашки. – И она переводит иначе: “Но ты господствуй над ним”. Это ведь совсем иное дело. Тут не обещание, а приказ. И забрало меня за живое. Что ж, думаю, за слово стоит в оригинале, в подлиннике Библии, допускающее такие разные переводы?»⁷

И далее Ли рассказывает, как вместе со старцами читает Библию в оригинале.

«– Через два года мы почувствовали, что можем приступить к вашим шестнадцати стихам из четвертой главы “Бытия”. Старцы также признали стих седьмой очень важным. “Будешь господствовать”? “Господствуй”? И вот какое золото намыли мы долгими трудами: “Можешь господствовать”. “Ты можешь господствовать над грехом”. И улыбнулись старцы, закивали головами, чувствуя, что недаром потрачены два года. И благодаря этому труду вышли они из своей китайской обособленности – и сейчас изучают древнегреческий.

Дрожащей от волнения рукой Ли вновь наполнил изящные чашечки. Выпил свою одним глотком.

– Разве не ясно? – воскликнул он. – Американская Стандартная приказывает людям господствовать над грехом, как

---

⁷ Здесь и далее перевод А. Михалева, О. Сороки, Г. Злобина.

господствуют над невежеством. Английская королевская сулит людям непременно победу над грехом, ибо “будешь господствовать” – это ведь обещание. Но древнееврейское слово “тимшел” – “можешь господствовать” – дает человеку выбор. Быть может, это самое важное слово на свете. Оно говорит человеку, что путь открыт – решать предоставляется ему самому. Ибо если “ты можешь господствовать”, то верно и обратное: “а можешь и не господствовать”. Разве не понятно?»

Мне кажется, это очень точное описание сути и тонкостей перевода, поэтому я его почти целиком здесь привел. И вместе с этим пассажем я потихоньку перейду ко второй части романа, потому что как раз она выводит идеи Сервантеса – о хрупкости смыслов, о том, как история искажается в печатном слове, и об отношениях правды и вымысла, – во второй части все еще сильнее углубляется и еще лучше проговаривается. Вторая часть «Дон Кихота» – это гораздо более крутой роман, и я сейчас постараюсь объяснить почему.

IV. Мета-Кихот

В 1614 году выходит продолжение, но автор его – не Сервантес. Автор – Алонсо Фернандес де Авельянеда. До сих пор неизвестно, кто скрывался под этим псевдонимом, но факт остается фактом: «Дон Кихот» был так популярен, что люди начали писать фанфики, а один из них – хитрожопый

Авельянеда – просто буквально написал и издал продолжение.

И через год, в 1615-м, выходит официальное, авторское продолжение Сервантеса. Исследователи утверждают, что он начал писать продолжение в 1612 году и в 1614-м у него была только половина рукописи. А потом выходит книга Авельянеды – самозванца, – и Сервантес в спешке дописывает свой роман. Наверно, мы можем сказать спасибо Авельянеде, ведь благодаря ему внутри второй части настоящего «Дон Кихота» у нас есть еще и размышления о самозванстве и даже сцена сражения Дон Кихота с самозванцем. Вот вам еще один метауровень книги.

То есть понимаете, да? Сервантес дописывает вторую часть, сиквел своей книги, из ревности, в качестве ответа. Это фактически литературный рэп-батл семнадцатого века. И это тот случай, когда хочется сказать: «Если бы Авельянеды не существовало, его следовало бы выдумать», потому что есть какая-то удивительная гармония в том, что у книги, целиком посвященной писательству, у книги, постоянно рефлексирующей на тему авторства, правды и вымысла, – именно у этой книги появляется фанфик, ложное, неканоническое продолжение.

И боже мой, как же Авельянеда подставился. Просто представьте себе, как Сервантес, узнав о существовании самозванца, закатал рукава, сел за стол и начал вписывать его в свою книгу.

Вторая часть уже настолько «мета», что дальше просто некуда. В самом начале второй части мы узнаем, что все персонажи романа читали первую книгу (ну, кроме Санчо, он не умеет читать). Таким образом, первая книга «Дон Кихота» существует внутри второй, более того – здесь же существует и фанфик Авельянеды. И каждый персонаж должен как-то на это реагировать, здесь Сервантес вновь предается медитации на тему чтения, восприятия реальности и вымысла и того, как литература влияет на читателя.

Если в первой части говорилось о влиянии рыцарских романов на разум Дон Кихота и каждый персонаж высказывал свое мнение о рыцарских романах (и мы помним большой монолог каноника в конце), то вторая часть – другая. В ней Сервантес размышляет о том, какое влияние первая часть оказала не только на читателей романа, но и на самих персонажей. Дон Кихот и Санчо Панса сталкиваются с тем, что их начинают путать с литературными персонажами. Реальные Кихот и Санчо (тут я делаю кавычки пальцами) встречаются с людьми, которые читали роман и сформировали на его основе свое мнение о героях. Эти люди ждут, что Санчо и Кихот будут вести себя определенным образом, соответствующим их представлениям.

Вторая часть целиком отдается метаиграм: мы узнаем, что читаем найденную рукопись ученого мавра Сиды Ахмета бен-Инхали и текст, который мы читаем, – это перевод. К тому же в текст периодически вторгается переводчик, кото-

рый уже в пятой главе, например, сообщает, что, «дойдя до пятой главы, переводчик этой истории объявляет, что глава эта, по его мнению, вымышленная, ибо в ней Санчо Панса изъясняется таким слогом, какого нельзя было бы ожидать от ограниченного его ума, и рассуждает о таких тонкостях, которые не могли быть ему известны; однако ж, дабы исполнить долг службы, переводчик положил перевести ее; итак, он продолжает».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.